

Коробейник

Варка сладости затянулась до глубокой ночи. Даже когда по всей округе вместе с паром разнесся густой аромат, никто из соседей не пришел любопытствовать, что избавило семью Ли от лишних расспросов и хлопот.

Когда масса достаточно загустела, госпожа Чэнь и старшая невестка Цзян принялись за «узорчатые леденцы». Ли Цинхун и Ли Цинфэн присматривали за двумя котлами в доме — Цинвэнь же не мог отлучиться ни на миг, так как должен был следить за выведением иероглифов.

Дело это было не из трудных, но разглядеть тонкие линии в тусклом мерцании масляной лампы оказалось непросто. Юноша про себя твердо решил, что в следующий раз они ни за что не станут варить лакомство по ночам: глаза от такого напряжения быстро уставали.

Пока неясно было, пойдет ли узорчатый леденец в народ, поэтому для пробы сделали всего десять фунтов. Оставалось еще два фунта кунжутной муки, но Ли Цинвэнь не спешил её убирать — у него была на неё другая задумка.

В этот раз объем работы был велик, и варка затянулась. Когда первая партия сиропа дошла до нужной кондиции, из деревни уже донеслись первые крики петухов.

Чтобы удобнее было растягивать горячую массу, Цинвэнь намеренно велел наливать в котлы разное количество сиропа. Так сладость доходила до готовности постепенно, и руки не были заняты всеми емкостями сразу.

Смеси вышло много, так что одними руками было не управиться. Один конец вязкой массы набросили на вбитый деревянный клин, а в другой продели чистую палку. Ли Маосянь, крепко сжимая её, тянул податливую массу, складывал её вдвое и снова накидывал на клин, повторяя это движение раз за разом.

Тем временем Ли Цинвэнь зачерпнул горячего сиропа и смешал его с остатками кунжутной муки, замешивая темную пасту.

Когда основа в руках отца побелела и стала атласной, юноша, не обращая внимания на жар, обжигающий ладони, принялся за дело. Он быстро скатал несколько жгутов из белого сахара и черной кунжутной массы, раскатал несколько пластов разной ширины и начал складывать их в определенном порядке, обернув всё снаружи двухцветной оболочкой.

Чем горячее была смесь, тем легче она поддавалась лепке. Стоило ей хоть немного остыть, и она теряла гибкость, превращаясь в камень. Перчаток не было, так что юноше пришлось

терпеть, едва не стискивая зубы от боли.

Как и в случае с узорчатыми леденцами, он растянул получившийся толстый жгут до нужной толщины и быстро нарезал его на ровные кусочки.

Маленький Лян-лян, которого матушка еще вечером отправила спать к младшему брату, проснулся ни свет ни заря. Он уже давно крутился у стола, замороженно глядя на работу взрослых. Стоило Цинвэню отложить нож, как мальчик схватил один из кусочков и восторженно вскрикнул:

— Ой! Черные ушки, черный носик и черные глазки... Да тут целая собака нарисована!

Старшая невестка Цзян внимательно вгляделась в срез сладости:

— Сынок, это что же, не иероглиф?

Цинвэнь покачал головой:

— Нет, невестка. Это леденец «Панда».

— Панда? — разом переспросили несколько голосов. — Что это за зверь такой?

Он на мгновение задумался, подбирая слова:

— Это такой медведь... самый милый и славный зверь на всем белом свете.

— И впрямь, — госпожа Чэнь с удивлением рассматривала конфету. — Смотрите, какие глазищи черные, загляденье просто.

Сынок лишь улыбнулся про себя: на самом деле это были не глаза, а те самые знаменитые темные круги вокруг них.

— Какой же наш младший умелец, — не переставала дивиться невестка, поворачивая конфету так и эдак. — Надо же, научился рисовать прямо внутри сладости.

— Дядя, а почему этот медведь так на пса похож? — серьезно спросил Лян-лян. — У бабушки Хань Седьмой собака точь-в-точь такая же.

— У собак морды не такие круглые, — присмотрелся Ли Цинхун. — Да и уши совсем другие.

Лян-лян, недолго думая, отправил кусочек в рот:

— А я взял и съел медведя! — объявил он, довольно жмурясь.

Взрослые дружно рассмеялись, но смех их был недолгим — пора было сменять Ли Маосяня. Растягивание вязкой сладости было делом изнурительным, и руки отца уже заметно дрожали.

Когда последние три котла были переработаны, на дворе уже стоял полный день. Семья, не смыкавшая глаз всю ночь, наскоро нарезала солодовый сахар и разошлась по лежанкам, чтобы хоть немного восполнить силы.

Ли Цинвэнь, проспавший накануне полдня, чувствовал себя бодрее остальных. Но ладони его, сильно обожженные во время лепки «панд», теперь горели нестерпимо. Он ворочался с боку на бок, но сон не шел.

Госпожа Чэнь, вернувшись в свою комнату, тоже не сразу легла в постель. Она долго рылась в сундуке, пока не извлекла оттуда маленькую жестяную коробочку. Зайдя в западную комнату и увидев, что младший сын лежит, свернувшись калачиком, она поняла, что тот мучается от боли.

— Сынок, — тихо позвала она, — больно небось?

Цинвэнь сел на кане. Матушка взяла его за руки и ахнула: ладони были пунцовыми, хоть пухляки, по счастью, еще не вскочили.

Сердце матери защемило. Она открыла коробочку и, зачерпнув пальцами белую густую мазь, принялась осторожно втирать её в кожу сына.

— Это барсучий жир — первое средство от ожогов. Два дня руки береги, в воду не суйся...

Прохладное средство принесло мгновенное облегчение, и юноша послушно закивал.

— В следующий раз я сама за лепку возьмусь, — со вздохом добавила госпожа Чэнь. — Негоже тебе так руки губить.

— Ничего, матушка, — мотнул головой Цинвэнь. — Вот привыкну к труду, кожа загрубеет, и никакое пламя мне будет не страшно.

Глядя на его кроткое, повзрослевшее лицо, матушка невольно вспомнила те годы, когда сын был не в себе, и за спиной у них шептались злые люди. У неё защемило в носу. Она ласково погладила его по плечу и оставила коробочку на краю лежанки:

— Я здесь положу. Как заночует — смажь еще раз.

Юноша боялся испачкать кановую циновку жирными руками и прикидывал, как бы поудобнее устроиться, когда почувствовал, как рука третьего брата привычно скользнула под него, проверяя, не мокрая ли постель. Убедившись, что всё сухо, Ли Цинхун во сне убрал ладонь.

Третий брат присматривал за ним почти десять лет, и Цинвэнь понимал, что такие привычки не уходят в одночасье. И ему, и всей семье нужно было время, чтобы привыкнуть к его исцелению.

Вокруг уезда Люшань разбегались в разные стороны десятки дорог, каждая из которых вела к множеству селений, больших и малых.

Деревни, стоявшие поблизости от города, обычно жили богаче тех, что затерялись в глухих лесах и горных распадках. Жители ближних мест могли в любой день отнести в уезд свежие овощи, вязанку дров или пару домашних птиц. На первый взгляд, такая выручка казалась малой, но за долгие годы крестьянские закрома незаметно наполнились. В подобные края свахи всегда зазывали невест охотнее: мол, до города рукой подать, а там всегда найдется способ копейку заработать, не то что в земле ковыряться. Жизнь здесь казалась легкой и сытой.

Совсем иная доля выпала тем, кто обитал в затишных горных долинах. Там народ жил лишь тем, что давало поле, и каждый кусок хлеба зависел от милости Неба. Бывали и такие, кто от рождения до самой смерти так ни разу и не видел городских стен.

Но и до этих захолустных мест долетали вести из большого мира. Раз в год сюда являлись сборщики податей, а стражники забирали крепких парней на службу — от таких людей крестьяне старались держаться подальше. О том, что творится за пределами их дола, они узнавали по большей части от коробейников.

Когда над горной тропой разносился звон колокольчика, детские уши, чуткие, как у псов, мгновенно улавливали этот звук. Ребятя со всего селения сломя голову неслась к окраине.

Едва из-за поворота показывался путник с тяжелым коромыслом, как его тут же окружала стайка детей. Все взгляды были прикованы к двум плетеным корзинам: чего там только не было! И пестрые картинки, и сладости, от которых дух захватывало.

Добравшись до векового дерева в центре, торговец останавливался перевести дух. Какая-нибудь добрая женщина подносила ему ковш студеной воды. Выпив, он доставал из короба маленький белый кусочек величиной с ноготок и протягивал его внуку хозяйки:

— На, малец, полакомься. Сладко будет.

Четырехлетний карапуз осторожно лизнул угощение, и глаза его расширились от изумления:

— Ой, сладко!

Он увлеченно сосал леденец, а сверстники вокруг, глотая слюнки, наперебой расспрашивали, что же это за диковинка.

— Это солодовый сахар, из самого лучшего зерна сварен, — пояснял коробейник Цю, обмахиваясь полой одежды. Хоть летний зной уже и спал, но после тридцати ли по горным тропам пот с него катился градом.

Детвора, не в силах терпеть, бежала домой клянчить гостинец. Те из родителей, чье сердце было помягче, поддавались на уговоры и шли к дереву разузнать цену.

Торговец пояснял, что готов брать и монетой, и зерном, и лесным сбором. За полфунта лакомства он просил фунт проса или сушеных грибов. Если же давали сорго, то за ту же порцию сладости нужно было отсыпать два фунта зерна.

Селения эти ютились на кручах, и ровных полей там не было — лишь клочки земли по склонам. Самый большой надел едва тянул на пару му, а крохотные были не больше крестьянского двора. Но здешние горы были из мягкой земли, и люди засевали каждый клочок, каждый закоулок, так что к осени урожаем собирали добрый.

Нынешний год выдался удачным, закрома обещали полниться, так что те, кто жил покрепче, не скупясь, меняли сахар фунтами. Пару кусочков давали детям на забаву, а остальное прятали до праздников, чтобы перед гостями не стыдно было.

Впрочем, чаще всего крестьяне несли коробейнику просо. Оно хоть и вкуснее сорго, но не такое сытное: один фунт проса не заменит двух фунтов сорго, когда нужно набить пустой живот.

Глядя на тех, кто уже получил заветный кусочек, остальные дети завидовали еще сильнее. Они клялись родителям, что будут меньше есть и больше работать, что не станут попусту бегать, а принесут из лесу полные корзины грибов. В конце концов, почти каждый добивался своего.

Под деревом тем временем собирались женщины. Уняв детей сладостями, они принимались за настоящие дела: меняли товар на иголки, нитки, масло да соль. Если можно было расплатиться натурой, медяков никто не доставал.

Чтобы продать зерно, крестьянину нужно было полдня толкать тачку по горным кручам до самого города. А там, в лавке, торговец еще станет нос воротить, придирается к сору да качеству, делить зерно на сорта и в конце концов с тяжелым вздохом отсыплет горсть медяков.

Твердое знание того, как трудно дается копейка, было выжжено в уме каждого из них.

Нитки и прочая домашняя утварь были нужнее всего, и на них в ход шло всё, что накопилось в хозяйстве: куриные яйца, шкурки кроликов, конский волос или даже людской. Волосы, конечно, никто специально не стриг, но те, что оставались на гребне после расчесывания, бережно собирали и скатывали в клубки. В большой семье за месяц мог накопиться изрядный ком.

Колокольчик на коромысле звенел без умолку, народу у дерева становилось всё больше. Постепенно место иголок и лент в корзинах занимало зерно и всякая всячина. С наступлением темноты путник просился на ночлег к знакомым, коротал вечер за разговорами со стариками, а утром, подхватив ношу, покидал селение.

Детвора провожала его далеко за околицу, выпрашивая, когда он вернется снова. Тот с улыбкой обещал заглянуть, и у ребят впереди была долгая и сладкая надежда.

Семьдесят фунтов солодового сахара коробейник Цю с отцом разошлись всего за несколько дней. Узорчатые леденцы и изделия в виде панд Коробейник Цю отвез в уездные лавки. Из-за того, что товар был в новинку и выглядел нарядно, дело пошло быстро. Узорчатый леденец брали на удачу, а панд — на радость детям. Хоть они и были не такими сладкими, как чистый мед, покупатели на них находились мгновенно.

Вскоре отец и сын Цю прикатили в деревню Тополиную тележку, на которой виселись мешки с двумя сотнями фунтов зерна. Весть о том, что семья Ли зарабатывает на сахаре, вмиг облетела все дворы.

Плетни в деревне были невысоки, и скрыть что-то от соседей было невозможно. Все жили бок о бок, и каждый знал, что у другого в котле варится. Грохот и суета в доме Ли и раньше привлекали внимание, но сельчане думали, что те просто готовят припасы. Когда же в ворота въехала груженная телега Цю, стало ясно: дело куда серьезнее.

Когда пошли расспросы, Ли не стали таиться и честно поведали о своем промысле.

Ли Цинвэню было не до деревенских пересудов. Получив оплату, он первым делом сел подсчитывать выгоду. Оказалось, что с семидесяти фунтов простого солодового сахара они выручили едва ли пятьдесят фунтов чистой прибыли в зерновом эквиваленте, тогда как узорчатые леденцы и «панды» принесли куда больше.

Зерна на все виды изделий уходило примерно поровну, но из-за того, что покупатели были разные, разница в доходе вышла огромной.

Солодовый сахар меняли простые пахари, чтобы порадовать детей каплей сладости. Узорчатые же леденцы и панд покупали те, кто ценил диковинку; в таких домах лишняя горсть зерна или пара медяков не играли большой роли, лишь бы вещь была редкой и глазу приятной.

<http://bllate.org/book/15828/1428596>